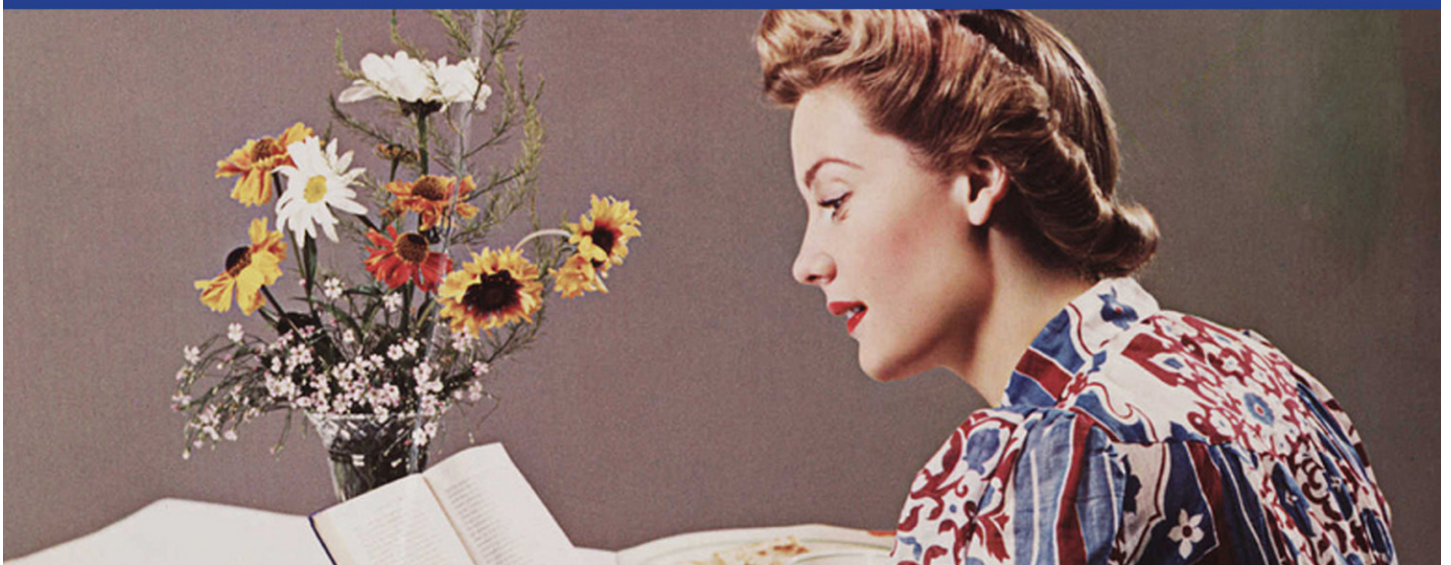

Галина Щербакова

LOVEстория

ФТМ

Галина Щербакова

LOVEстория

«ФТМ»

1995

Щербакова Г. Н.

LOVEстория / Г. Н. Щербакова — «ФТМ», 1995

ISBN 978-5-4467-1816-0

Анна, вчерашняя школьница, влюбляется в мужа своей лучшей подруги. Эту любовь она пронесет через всю жизнь – от послевоенной барачной юности до начала девяностых. Ни доводы разума, ни искренние чувства к подруге, ни долгие годы разлуки не в силах заглушить однажды услышанный зов безнадежного, но неодолимого чувства.

ISBN 978-5-4467-1816-0

© Щербакова Г. Н., 1995

© ФТМ, 1995

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Галина Щербакова

LOVEстория

© Текст. Г. Н. Щербакова, наследники, 2020

© Агентство ФТМ, Лтд., 2020

I

В эркере – как на носу корабля, но без качки. В этом его безусловное преимущество. Из открытой форточки – легкий сквознячок с запахом свежей травы: вчера подстригали газон. Триста лет подстригали изо дня в день. На этом заикливаться не надо – собьешься с толку... Начнешь думать, как и чем это делали в семнадцатом веке, а оно тебе нужно? Нужен тебе семнадцатый век? То-то... Тут ведь главное другое – фантомное чувство, чувство от несуществующего! О! На него такое можно взгромоздить, что бедному газону и не снилось.

Громожу...

Через него – газон, – на котором стоит белое ажурное кресло, идет высокий по пояс голый мужчина с махровым полотенцем через плечо. (Это надо читать и писать быстро, быстро, как скороговорку.) Он шатен, в темных очках. У него глубокие выемки ключиц. Это у сутуловатых непременно. Горб – ямка, ямка – горб.

И вот он идет через газон, я засыпаю. Что и есть наиважнейшая цель. Поэтому доходит ли сутулый до дома с эркером, я не знаю.

Тут интересно и наблюдение со стороны. Как бы с лавочки у подъезда. Если тебе нужен для засыпания мужик (гипотетический, фантомный), так пусть же он будет стройным! На фигу тебе эти чертовы выемки?

Чужая точка зрения – это далекая граница. Новая Зеландия, к примеру. На ее новозеландское мнение – тьфу. Прислали масло «Анкор» – и спасибо. И идите себе и дальше вниз головами. Кроме масла – неинтересны.

Возвращаемся в эркер.

Если не удастся уснуть, я перемещаю себя на дорожку к дому. То есть я как бы сама иду к нему. Тогда уже ключистый мужчина стоит в эркере, но меня занимает не он – стоит себе и стоит, – меня занимает дом, даже почти замок с заостренной крышей, от которой у меня заходится сердце, и почему-то именно поэтому мне хочется расплющить шпили и башенки.

В результате я выравниваю их остряки-крыши до азиатской плоскости, и тут уж наверняка... В борьбе готики и сакли я засыпаю, победив красавицу готику.

Комплекс Тараса Бульбы: раз породила, то убью. Конечно, после такого не спать бы, а в ноги Богу кинуться за прощением, но где ж вы такое видели, чтоб мы после мысленных убийств кидались в ноги? Мы и после других кушаем с аппетитом. Поэтому порушить воображаемую готику все равно как муху шмякнуть свернутой газетой «Правда». И хватит про это.

Бессонница...

Есть еще третий способ – встреча с Королевой. Все равно с какой. Дело в том, что в войну один немец-художник написал мой портрет. Русская девочка с собакой и шоколадом. Который он же и дал. Собака была моя. Такая картина действительно была завершена до Сталинградской битвы, и я даже поставила внизу свое имя, на что немец сказал мне: «Данке шон, Анна! Молётец...» Так вот мое изображение: эту картину как бы увидела одна из Королев, подсчитала на пальцах, что мы могли быть с ней ровесницами, и велела пригласить меня на обед. В ошеломлении от возможной встречи я ищу целые колготки и, естественно, засыпаю счастливой и утомленной. Надо сказать, что сама картина немца по имени Вальтер (кажется) занимает меня больше, чем Королева. Я так хорошо себя помню на ней: худое, испуганно-любопытное, глазастое существо с двумя неровными косичками. Холст. Масло, между прочим. Не халам-балам.

Поэтому третий способ засыпания под названием «Встреча с Королевой» популярностью у меня не пользуется. Хотя благодаря картине это самая реалистическая история. А вот эркер, газон – чистая выдумка, их не было сроду. С сутулым мужчиной было неясно. Он был – и его как бы не было.

Так с мужчинами бывает сплошь и рядом. Вот уж фантомы так фантомы. Являются в костях, мясе и крови, цвете, вкусе и запахе, а исчезают как дым.

Но это я чуток подвираю... Эта проклятущая впадина ключиц... И еще запах... Запах мужчины, сидящего на полу и завязывающего шнурки.

Идите вы к черту, современники победительных дезодорантов. Вы ничего не понимаете. Ни-че-го.

Долго и надежно срабатывали способы засыпания! Ровно до того момента, как срабатывать перестали.

Однажды это ушло раз и навсегда. Все было как вчера – подушка, ночь, фонарь, аптека, но в подушке были комки, ночь была серо-белесой, фонарь тускл, а в аптеке не горело «т». И все это – комковатая подушка и безбуквенная аптека – стояло насмерть, как у нас принято стоять, все держало мертвой хваткой. Пришло сознание: в эркер и к Королеве билеты кончились. Навсегда.

Я давно знаю: что бы там ни говорили материалисты, мир вещей и звуков зависит только от меня. И если, не дай бог, на небе не взойдет луна или припозднится, значит, заело что-то во мне. Ваше дело считать иначе. Ваше дело подозревать, что мир фурычит не от меня, а от вас. Или что он объективен сам по себе. Ерунда. Мои – небо, солнце, луна и аптека. Исключительно мои подданные. Это я выбила свет у буквы «т». Просто я не люблю эту букву: тоска, трусость, тяжесть, труп, тлен.

Поэтому... Поэтому, когда рухнул эркер и Королева каких-то там земель съехала от меня навсегда, я поняла, что во мне случилась Большая Поломка.

Пришла подруга Валя и задала вопрос в лоб:

– Когда к тебе последний раз приставали на улице мужики?

– Вчера, – сказала я.

– Врешь! – закричала она. – Врешь! К нам не пристают! – И заплакала. – Зачем ты врешь?

Самое главное, я не врала: был какой-то эпизод, бездарный, неинтересный, но с этого момента – момента слез Вали, очень энергичной и деловой дамы, – я начала вести свой отсчет. И очень скоро обнаружила нечто. Как это бывает? Идешь по улице, и незнакомый, совсем не твой мужчина цепляет тебя взглядом. Молчаливое, даже некасательное дело, но дивный миг пребывания в чужом глазу – как молодильное яблоко. Целый день ощущение уверенности, силы, все ладится, горит в руках, а всего-то – тебя зацепили глазом и чуть-чуть поносили в нем.

Моя Валя, которая раньше меня обнаружила эту утрату, кинулась на жизнь, как голодный хищник. Она разбивала себе лицо о Париж и Лондон, приступом брала Рим, с головой окуналась в Мертвое море, что было совершеннейшей дурью, ибо щипало глаза. Но таким образом она торила обратную тропу.

Легко сказать – торить тропу туда, откуда весь вышел. Хотя и сказать нелегко...

А Рим что? Он каменный, ему ничего не делается. Он вечный. Но я скажу другое. Счастье, что мы не вечны и пересыхаем. Потому что нет другого способа понять цену жизни, как увидеть ее конец.

А эркер? Что такое был эркер? Это была тайная грешная молитва на ночь, это была тайная мечта о любви.

Но, увы, и воображаемые эркеры трухлявы и тленны. Конечно, можно конец сделать началом. Началом рассказа о любви. О пребывании в глазу чужого мужчины. И бог с ним – с Римом! Roma locuta, causa finita. Гудбай вечный.

Я о другом. О любви девочки, поедающей дармовой немецкий шоколад, рассказанной самой девочкой, когда она уже совсем выросла и стала мечтать о доме с эркером и новым мужчиной, а потом поняла, что ей это на дух не надо.

– Ты сошла с ума! – закричала подруга Валя. – Как ты смеешь выбивать у нас табуретку из-под ног?

– Дура! – сказала я ей. – Я не выбиваю табуретку. Я, наоборот, снимаю тебя с эшафота.

Но она хлопнула дверью и нашла какого-то ботаника, не востребовавшего историей и женщинами. Она вымыла его в шампуне и купила ему костюм в дорогом магазине. Ботаник вскинулся душой и телом и решил – идиот, – что он создание нерукотворное, что он таким чисто пахнувшим и родился. Он посмотрел на мою подругу сквозь модные очки и разочаровался. Так и ушел от нее с дарованными бебехами, а подругу пришлось срочно отправлять в Иерусалим на моление. Она утыкала Стену Плача просьбами о любви, как млекопитающий броненосец, прошла по дороге Христа и вернулась иссушенной, как фасолевый стручок.

– Бога нет, – сказала она. – Я не видела. Надеюсь, ты не пишешь свое идиотское сочинение о нашем возрасте? Это будет оскорбление нам всем. Американки после пятидесяти только разговляются... Поздние сады – самое то! А библейские дамы? Сколько им было? Мы против них девчонки!

Наверняка я буду подвергнута...

Я подозреваю, нет, знаю точно: любовь по сути своей бесполо. Я помню свою первую детскую любовь – она была к девочке. Я ведь не знала, что моя улица дурна и грязна, что двухэтажный барак, выстроенный для шахтеров напротив наших прикрытых сиренью хаток, – уродлив, что облепившие барак сараи некрасивы. Не знала, потому что не видела еще ничего другого. Провидение высадило меня на эту территорию и сказало: «Живи». Сам процесс жизни оказался весьма интересным.

Поэтому я и не умерла, хотя за мной то и дело приходили *оттуда*, и мама и бабушка отбивали меня от смерти, как могли. Выходя из очередной болезни, я опять и снова ликовала, что ножки и ручки дрыгаются, глазки смотрят, некрасивость окружающей меня действительности ну никак не задевала мое существо.

Пока я не увидела красоту.

Девочку-ровесницу, волею партийных передвижений ее папы оказавшуюся на соседней улице, прикрытой нашими домами от черного по сути и по цвету барака. Девочка в матроске с красивыми белокурыми волосами шла за катившимся мячиком и встретила меня, босую, худую, в цыпках и в одних ситцевых трусах, потому что носить что-то над трусами нужды не было. И долго, между прочим.

– Меня зовут Мая, – сказала она. – А тебя?

До сих пор сжимается сердце, когда я вспоминаю пронзившее меня обожание. Была бы у меня сила, я носила бы Маю на руках, потому что земля была явно недостаточно хороша для ее туфель. Я водила ее за ручку по нашим колдобинам и выбоинам, хотя, как выяснилось, она была старше меня на год. Я убирала с ее дороги камни и ногой отбрасывала собачье дерьмо. Я подымала над ней ветки сирени и усаживала на пенек, покрыв его чистым полотенцем из комода. Засыпала я с мыслью, как отталкиваю ее в тот страшный миг, когда она оказывается рядом с глубокой ямой градирни, которая жила рядом с нами и была всегда открыта. Уже сейчас думаю: почему никто из взрослых не пытался ее прикрыть или огородить?

– Осторожно, градирня! – кричали родители, выпуская нас на улицу. Вот и вся техника безопасности.

То было раннею весной... Перед войной то было.

Поклонение мое длилось... Подоспела война, а с ней и эвакуация, которая случилась уже в июле или даже июне. Начальство бежит скоро. Это нехитрое наблюдение у меня с младых ногтей. Маина мама передавала шоферу чемоданы прямо в распахнутые окна, сама же Маечка стояла на крылечке с огромной куклой с закрывающимися глазами. Такой куклы не было ни у кого из нас, и остающийся у немцев детский народ, замерев, смотрел на красавицу как бы в последний раз. Мы тщательно запечатляли ее в сердце и были в этот момент тихие и сосредоточенные. Я же смотрела на Маину руку, согнутую в локте, на оспинки на плече... Да плевала я на куклу! Я хотела одного – чтоб Маина мама взяла меня с собой. Я готова была стать чемоданом, баулом, обшитой вафельным полотенцем корзиной... Чем угодно... Могла ли я знать, что мое худенькое тело выбрасывает в космос такую энергию, что не считаться с ней просто уже нельзя? Ток сработал, и я на всю жизнь оказалась приваренной к Мае. Бог, смилостивившись, даровал мне неотделимость от обожаемой подруги, дав от щедрот своих одну на двоих любовь к мужчине.

Назовешь ли это даром небес?

Не сработало ли ведомство-антипод?

Мне бы тогда уйти с прощального крылечка, мне бы впасть в очередную смертельную болезнь... Но несчастное дитя было, к несчастью, здорово. Оно страстно желало и таки вымолило свою судьбу.

Что было потом? Вспоминала ли я Маю? Не знаю, забыла. То ли война оказалась достаточным отвлекающим фактором, а может, я болела с горя, но в памяти совсем другие воспоминания. Например, первая правильная любовь – к мальчику, который мимо нас носил воду. Каждый раз, когда он передыхал с полными ведрами у нашего забора, бабушка говорила ему: «Ты бы, Витя, брал коромысло». Но Витя, чуть приседая, хватался за дужки ведер и упрямо качал головой. На коромыслах воду носили женщины, и только бабушкиной ядовитостью можно было объяснить *такое*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.